

<https://doi.org/10.34883/PI.2023.9.2.018>

Заславский Д.В. ✉, Белова Л.В.

Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
Санкт-Петербург, Россия

Портрет незнакомки: к истории борьбы с проституцией в России (XV в. – 1917 г.)

Конфликт интересов: не заявлен.

Вклад авторов: написание текста – Заславский Д.В., Белова Л.В.

Подана: 01.03.2023

Принята: 19.06.2023

Контакты: venerology@gmail.com

Резюме

Цель. Проанализировать вопросы борьбы с проституцией в России (XV в. – 1917 г.).

Материалы и методы. Изучение научных трудов и докладов, изданий периодической печати, воспоминаний современников. Представлены редкие фотографии.

Обсуждение. Восполнен пробел в историко-медицинской литературе.

Проституция в России была под запретом вплоть до царствования императора Николая I. Борьба с ней велась постоянно, но попытки государства особого успеха не имели, и власть изменила тактику.

Николай I признал проституцию терпимой в Российской империи, легализовал ее, узаконив указом (1843). Была поставлена задача взять проституцию под контроль, в первую очередь для того, чтобы остановить распространение сифилиса.

Заключение. В России (XV в. – 1917 г.) разными способами пытались бороться с проституцией как главной причиной распространения сифилиса. Однако жизнь показала, что представления правительства о способности легализации проституции и надзора врачебно-полицейских комитетов снизить заболеваемость сифилисом оказались иллюзорными. Официально проституция была запрещена в России только после Октябрьской революции (1917 г.).

Ключевые слова: проституция, сифилис, З.Я. Ельцина, М.И. Покровская, В.М. Тарновский, И.И. Приклонский, П.Е. Обозненко

Zaslavsky D. ✉, Belova L.

St. Petersburg State Pediatric Medical University, St. Petersburg, Russia

Portrait of a Stranger: on the History of the Fight Against Prostitution in Russia (XV Century – 1917)

Conflict of interest: nothing to declare.

Authors' contribution: writing the text – Zaslavsky D., Belova L.

Submitted: 01.03.2023

Accepted: 06.19.2023

Contacts: venerology@gmail.com

Abstract

Purpose. To analyze the issues of combating prostitution in Russia (XV century – 1917).

Materials and methods. The study of scientific papers and reports, periodicals, memoirs of contemporaries. Rare photographs are shown.

Discussion. A gap in the historical and medical literature has been filled.

Prostitution in Russia was banned until the reign of Emperor Nicholas I. The fight against it was constantly fought, but the state's attempts were not particularly successful, and the authorities changed tactics.

Nicholas I recognized prostitution as tolerable in the Russian Empire, legalized it by legalizing it by decree (1843). The task was to bring prostitution under control, primarily in order to stop the spread of syphilis.

Conclusions. In Russia (XV century – 1917) they tried in various ways to fight prostitution as the main cause of the spread of syphilis. However, life has shown that the government's ideas about the ability of the legalization of prostitution and the supervision of medical and police committees to reduce the incidence of syphilis turned out to be illusory. Officially, prostitution was banned in Russia only after the October Revolution (1917).

Keywords: prostitution, syphilis, Z. Yeltsin, M. Pokrovskaya, V. Tarnovsky, I. Priklonsky, P. Oboznenko

---

На картине Ивана Николаевича Крамского «Неизвестная» (1883) изображена проезжающая по Невскому проспекту камелия – высший ранг женщин свободного поведения. Наряд неизвестной – по последней моде. Бархатное пальто, подбитое соболем, бархатная шляпка «Франциск» со страусовым пером, брошь с крупными жемчугами, тяжелый золотой браслет выдают в ней даму полусвета. Женщины из высшего общества тогда одевались гораздо скромнее.

По одной из версий, это княжна Екатерина Михайловна Долгорукова (1847–1922), которая в течение 14 лет была близка с Александром II (1818–1881) и письма к которой он всегда начинал со слов: «Здравствуй, дорогой ангел моей души». Эту близость и сам император, и его фаворитка рассматривали не как греховную связь, а как тайный брачный союз. В 1880 г. после смерти императрицы Марии Александровны государь обвенчался с княжной.

На полотне видно, что левое место в коляске свободно – это был знак «ищу партера», приличные дамы одни никогда не ездили: место рядом предназначалось для мужа или слуги. На свободном месте слева от «Неизвестной» мог бы располагаться Александр II. Возможно, что изначально Крамской и планировал изобразить царя рядом с его морганатической супругой. «Неизвестная» могла быть коронована как Екатерина III. Картина, которая по легенде приносила несчастья своим обладателям, находится в Третьяковской галерее с 1925 г.

Разврат, получивший название непотребства, был известен еще при кабаках, корчмах и банях Древней Руси. Бывало, что непотребных девок и сводней пороли кнутом на площадях. Понятие блудницы возникло в VII в. и означало лишь то, что девушка ищет мужа (блудает). Позже это слово приобрело порочное значение.

Распространение сифилиса в России относится к концу XV – началу XVI в., чему способствовало оживление торговых отношений с Западной Европой. Одно из первых упоминаний (1612) о сводничестве появилось во времена шведской оккупации Новгорода. Было издано специальное уложение о борьбе с сифилисом в войсках (1644).

Первый российский правитель, который законодательно попытался бороться со сводничеством в России, царь Алексей Михайлович Тишайший (Романов) (1629–1676), принял свод законов Московского государства – Соборное уложение (1649), запрещавшее блуд и сводничество. В «Наказе о градском благочинии» велел «городским объездчикам» (стражам порядка) следить, чтобы «на улицах и в переулках блядни не было» [6].

Сын царя Алексея Михайловича царь Петр I Алексеевич Великий (1672–1725) продолжил эту борьбу. Из указа (наказа) (13.10.1697) Петра I ярославскому воеводе следовало: «... чтобы в городе, на посаде, и в уезде... и в деревнях... и блядни, и табакуну ни у кого не было» [6]. По указу (1711) Петра I блудницы помещались в прядильный дом.

Под страхом штрафов и наказаний запрещалось содержать «непотребных жен и девок». В «Воинских артикулах» (1716) Петра I пункт 175 гласил: «Никакие блудницы при полках терпимы не будут, но ежели оные блудницы найдутся, имеют они быть... раздеты и явно выгнаны быть» (И.И. Голиков, 1788) [6].

В стране появились тайные притоны, в указе (1718) Петра I были перечислены меры борьбы с ними. По указу (1719) Петра I военные, уволенные из армии по возрасту, ранениям, болезням, получали льготы, кроме пьяниц и с «французскими болезнями». Петром I был издан «Регламент главному магистру» (1721), в котором предписывалось строительство специальных домов для лиц «непотребного и невоздержанного жития» [6].

После путешествия по Европе Петр I учредил в Калинкиной деревне прядильный дом – своеобразное лечебно-исправительное заведение для женщин развратного поведения под названием Калинкинский дом (1718). Туда были приглашены мастера из Голландии для обучения женщин «делать добрую и легкую ткань на голландский манер», но не сложилось. Окружавшие мужчины пользовались этими женщинами насильно.

Тяжелейшие условия бесплатного труда и издевательства надсмотрщиков нередко заканчивались смертями при родах, побегами и даже самоубийствами. В поэме В.И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» описан Калинкинский дом с его

обитательницами. Убыточный прядильный дом временно закрылся (1727–1745). Внук Петра I император Петр II Алексеевич (1715–1730) и племянница Петра I императрица Анна Иоанновна (1693–1740) продолжили запрет сводничества.

Из указов (12.09.1728, 6.05.1736) Сената известно, что в С.-Петербурге уже имелись тайные притоны: «...смотреть, ежели где такие непотребные жёнки и девки, тех высечь кошками и из тех домов их выбить вон...» [6].

В указе (1.08.1750) императрица Елизавета I Петровна (1709–1761) приказала «...непотребных жён и девок... сыскивать, ловить и приводить в главную полицию, а оттуда с запискою присылать в комиссию в Калинкинский дом» [6, 16, 17].

Организация Калинкинской комиссии связана с раскрытием тайного дома свиданий некоей «Дрезденши». В середине XVIII века немка Анна Фелкер («Дрезденша») приехала из Дрездена и занялась сводничеством. Одна из обманом привлеченных девушек пожаловалась, в результате появилось первое громкое дело о закрытии (1753) тайного притона.

На Анну Фелкер обрушился гнев Елизаветы I, ее заточили в Петропавловскую крепость, иностранок выслали из страны, русских проституток сослали в Сибирь. Однако уже через 2 года в С.-Петербурге открылись новые дома свиданий.

Сенат издал указ «О лечении распутных женщин, одержимых франц-венерией и о ссылке оных на поселение» (17.05.1763). Заболевших следовало опрашивать об источнике заражения, разыскивать непотребных девок и отправлять их на принудительное бесплатное лечение. После чего солдатских жен возвращали мужьям, крепостных отдавали хозяевам, а солдатских вдов ссылали на Нерчинские рудники в Восточной Сибири [6].

Врачам предписывалось не расспрашивать у больных сифилисом «какого ранга и фамилию», но обязательно выяснять источник заражения. Предлагалось рассылать во все воинские команды указ о выявлении сифилиса у всех чинов и проведении допроса, от кого получено заболевание.

В утвержденной императрицей Екатериной I инструкции «О правилах содержания полкового госпиталя» (8.12.1764) лекарям вменялось в обязанность устанавливать, от кого заразился солдат. Впервые в России в 1760-е гг. исключительно важным являлось начало выявления источников заражения.

Медицинская канцелярия привела положения об организации «нарочных домов», специальных отделений для женщин, выделения «покоев» (палат). Однако количество больных увеличивалось, а лечебно-предупредительные меры в полном объеме не применялись.

В здании Калинкинского прядильного двора (дома) императрицей Елизаветой I была учреждена Калинкинская (Секретная) больница (1750 г., на 30 мест для женщин и на 30 мест для мужчин, больных франц-венерией [5, 6]. Это было лечебно-полицейско-исправительное заведение в основном «для непотребных жён и девок», попасть туда считалось позором (рис. 1).

Пациенты не называли своего имени, числились под номерами, имели право носить маски. Относительно них предписывалось соблюдать строгую «молчаливость», а вход в больницу для «любопытствующих» был строго воспрещен. Лазарет виделся матушке-государыне как несущий воспитательную нагрузку, и пациентов наказывали: сажали на одну овсянку, запрещали свидания, надевали смирительную рубашку, заключали в карцер.

Рис. 1. Калининская больница, Санкт-Петербург, XIX в.
Fig. 1. Kalinkine Hospital Saint Petersburg 19th century

Принятый при императрице Екатерине II Алексеевне Великой (1729–1796) «Устав о благочинии» (8.04.1782) грозил заключением блудниц и сводниц в смиренный дом. Термины «проституция», «проститутки» появились в обиходе при Екатерине II, до этого их называли блудницами, непотребными или срамными девками. Слово «проституция» происходит от лат. *prostitutio, prostituere* – публично выставлять на продажу, позор; проститутка – от лат. *prostituta* – публичная женщина [5, 6].

В борьбе с развратом Екатерина II запретила (1784) использование общих бань, повелев строить мыльни отдельные: для мужчин и женщин. Однако в то же время при банях появились кабинеты для любовных утех.

В «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790) А.Н. Радищев вскрыл и страстно бичевал социальные корни распространения сифилиса в России. Обвинял имущие классы в покровительстве проституции.

Во второй половине XVIII в. весь офицерский состав и армия угодили в зону риска заразиться сифилисом. И тогда Екатерина II неофициально разрешила занятие проституцией, но под присмотром медиков.

Сын Екатерины II суровый император Павел I (1754–1801) издал указ (1800), предписывавший «...развратных женщин, какие есть и впредь оказываться будут в обеих столицах (Санкт-Петербург, Москва), батогами бить и отсылать прямо на Иркутские фабрики» [6].

Павел I обязал проституток под страхом тюремного заключения носить специальное желтое платье. Это произошло по аналогии с законами Солона (VI в. до н. э.) – афинским публичным женщинам предписывалось носить специальную одежду и окрашивать волосы в желтый цвет. Символом профессии стал желтый цвет. После гибели Павла I его указ больше не выполнялся. Античные корни имеет и красный фонарь над входом в публичный дом. Первоначально на месте фонаря вывешивалось изображение фаллоса красного цвета.

Проституция в России была под запретом вплоть до царствования императора Николая I. Мужчин и женщин, замеченных в непотребстве, привлекали (1839) на общественные работы: подметать улицы, мыть полы в общественных заведениях и т. п. Попытки государства бороться с проституцией особого успеха не имели, и власть изменила тактику. Была поставлена задача взять ее под контроль, в первую очередь чтобы остановить распространение сифилиса и других венерических заболеваний.

Николай I признал проституцию терпимой в Российской империи, легализовал ее, узаконив указом (1843). Для надзора за ней повелел учредить врачебно-полицейские комитеты (СПб., 1843; М., 1844), комиссии для надзора за бродячими женщинами (СПб., 1847). Врачебно-полицейские комитеты начали действовать затем и в крупных городах. Их главной задачей стало «недопущение распространения любовной страстной болезни» [5].

Публичные дома назывались также борделями (французское слово) или домами терпимости. Название «дом терпимости» привезли на родину русские военные из Парижа после Отечественной войны 1812 г., однако этот перевод был искаженным. Истинное название «дом толерантности» (*maison de tolerance*) подчеркивало, что общество толерантно относится к такой работе женщин и не осуждает их. Дома терпимости – это дома, которые не одобряются и лишь по снисхождению терпят.

За сеанс в дорогом публичном доме брали 3–5, за ночь – 5–15 и до 30–50 рублей, за обслуживание клиента вне борделя – до 25 рублей; в обычном, среднем – 1–3 рубля, за ночь – 3–7 рублей. Доходы проституток были достаточно высокими. Дорогая проститутка получала в среднем 500–600 и более 1 000 рублей, средняя – 400 рублей в месяц. Дешевым проституткам «Малинника» платили от 50 до 10 копеек и меньше, поэтому они брали количеством.

Суточная норма проституток в борделях первой категории составляла 5–6 человек в день, второй категории – 10–12 и низшей – 20–30 человек. На Рождество и Пасху проститутка «Малинника» обслуживала 60–80 человек! Хозяйки давали каждой по 4 больших стакана водки в сутки, добавлялась выпивка от клиентов [9].

Для сравнения: по данным врача и публициста Б.И. Бентовина (1863–1929), за месяц прислуга получала 12, работница текстильной фабрики – 15–20, врач-ординатор в С.-Петербурге и Москве – 30, младший офицер – 120 рублей, отличная корова стоила 25 рублей [3, 10].

Однако в публичных домах процветал страшный произвол хозяек. Иногда в средних и дешевых заведениях хозяйка не платила некоторым женщинам денег и давала только одежду, бантики, брошки в счет гонорара или продавала предметы туалета по тройным ценам, в результате накапливались долги. Попыткой контроля за состоянием домов терпимости было введение в них врачебно-полицейскими комитетами расчетных книжек (1856) для предотвращения обмана хозяйками [10, 15].

Встречали зашедших клиентов содержательницы домов терпимости, которых обычно называли «мадам», а девицы из средних и дешевых домов иногда проще – «тетенька». Гость выбирал себе женщину, обычно они ожидали его *topless* (с обнаженной грудью), а в дорогих домах раздевались полностью. Каждая проститутка выбирала для себя второе, необычное имя для общения с клиентами. Например, Матрёна называлась Лаурой, Фёкла – Офелией и т. п. Частыми клиентами были офицеры и студенты.

Дома терпимости делились на 3 категории, стоимость определял врачебно-полицейский комитет. Чтобы повысить цены, хозяйки домов (они же – агенты полиции) убеждали чиновников, что качество услуг улучшилось.

Класс публичного дома зависел от уровня сервиса: числа девиц «в соку» (от 17 до 22 лет), наличия «экзотики» («маркиз времен Людовика XIV», «невеста» и т. п.), а также сексуальных изысков, мебели, нарядов, вин, закусок.

В публичных домах первого разряда комнаты утопали в шелках, на женщинах в дорогой одежде сверкали кольца и браслеты, а в публичных домах третьего разряда на кровати был лишь соломенный матрас, жесткая подушка и застиранное одеяло.

Существовали дорогие дома, применявшие у себя какой-то вид извращений для состоятельных постоянных клиентов. По данным исследователя вопросов проституции доктора Ильи Конкаровича (1874–?), в дорогих домах проститутки «своими хозяйками принуждаются к самому утонченному и противоестественному разврату», с этой целью устраивали особые приспособления, всегда привлекавшие клиентов [10].

В домах терпимости высшей категории разнообразили обстановку. Каждая комната заведения была уникальна. Одну оборудовали граммофоном, в другой стояла музыкальная кровать. В зеркальном зале вокруг огромного ложа были зеркальные стены, горело 59 свечей или спиртовых светильников. После попойки проститутки принимались танцевать и раздеваться. Оргия пар многократно отражалась в зеркалах при дрожащем свете [8, 10].

Проститутки учили с вниманием относиться к прихотям клиентов. К примеру, за всегдатай дома терпимости, дряхлеющий князь, раздевался донага, а 2 девицы немилосердно секли его розгами по ягодицам, пока у старика не происходила эрекция. За это князь давал пятьдесят рублей.

Встречались проститутки, знавшие несколько иностранных языков, умевшие перевоплощаться и пристрастить к себе богатых гостей. За ночь с ними мужчины готовы были отдавать и по 100 рублей. Среди продвинутых проститутки были агенты, вербовавшие новых девиц. Владельцы домов терпимости буквально сражались за самых умелых и ловких из них [10].

«Проститутки публичных домов и уличные недолюбливали друг друга. Уличные обзывали проститутки публичных домов «казенными», «шкурами» и, издевательски, «благородными». А те в ответ называли конкуренток «босьянками» и «венеричками», – писал А.И. Куприн в «Яме».

Министр внутренних дел граф Л.А. Перовский, к которому особенно благоволил Николай I, в записке (15.09.1843) кабинету министров, признав недостаточными меры борьбы с сифилисом, поручил организовать особую полицию для надзора за проституцией и открыть специальную женскую больницу на 100 кроватей.

Были изданы 3 документа, которые регламентировали деятельность борделей: распоряжение «О мерах к недопущению распространения любострастной болезни», «Правила содержательницам борделей» и «Правила для публичных женщин».

«Правила содержательницам борделей» (29.05.1844) включали многие положения. Возраст содержательницы должен был быть от 30 до 60 лет, публичных женщин – не моложе 16 лет. Содержательница была обязана ставить девиц на учет во врачебно-полицейский комитет, обеспечить прохождение медосмотра дважды в неделю и платить врачам, имела право на три четверти их дохода.

Каждая девица в публичном доме должна была иметь индивидуальный набор гинекологических инструментов. Лишь самые дешевые уличные проститутки-одиночки осматривались с помощью казенного инструментария.

Хозяйки зачастую или скрывали сифилис у женщины, или удаляли ее из своего заведения, избавляясь от хлопот с лечением и расходов по оплате. Зараженные проститутки сами нередко избегали отправления в больницу.

Кровати следовало отделять перегородками или ширмами. Окна должны были быть закрыты ставнями, при проветривании никто не мог подходить к ним. Двери полагались двойные, с тамбуром между ними, чтобы с улицы нельзя было заглянуть внутрь. Не допускались портреты высочайших особ, запрещалось принимать гостей по воскресным и праздничным дням до окончания обеда, обслуживать несовершеннолетних юношей и воспитанников учебных заведений.

По данным Б.И. Бентовина, в публичных домах процветало лесбиянство, поощряемое содержательницами, ведь в этих случаях не возникала искренняя привязанность к мужчине [3, 10].

Пользуясь тем, что даже долги перед публичным домом не являлись препятствием для выхода из него, задолжавшие проститутки нередко якобы «уходили из профессии», проводили короткое время в богадельне и поступали в другой публичный дом [6, 10].

В каждом публичном доме работал специальный человек, которого называли «кот». Был охранником, мог выгнать буйного посетителя или по указанию хозяйки припугнуть обнаглевшую проститутку. Обычно «коты» происходили из криминальных кругов. Полиция их не трогала, так как они были агентами и сообщали им ценную информацию о посетителях.

Во врачебно-полицейских комитетах паспорт проститутки публичного дома обменивали на документ под названием «Заменительный билет и смотровая книжка» с желтоватой обложкой (бумага низкого качества), номером, местом жительства, приметами и с 1887 г. фотографией (неофициальное название – желтый билет).

Здоровые проститутки нередко проходили осмотры вместо больных подруг. И посетителям публичных домов, требовавшим смотровые книжки для своей гарантии, предъявлялись ложные отметки «здорова». Для прекращения подобных подлогов комиссия постановила (1887) ввести на смотровых книжках фотографии проституток.

Внешне и по размеру заменительный билет напоминал паспорт и трудовую книжку. На последней странице были напечатаны правила для содержательниц домов терпимости и проституток. Между последней страницей билета и его обложкой был вложен медицинский билет для отметок врача и об уплате госпошлины. Врач писал «здорова» и дату с подписью в случае отсутствия признаков сифилиса. Заменительный билет запрещал проституткам свободно выходить в город.

Бланковые проститутки отличались от билетных наличием съемной квартиры и относительной свободой передвижения, нередко под контролем сутенеров. Выдаваемое им удостоверение личности называлось бланком, прилагался медицинский билет.

Для регистрации во врачебно-полицейский комитет проституток-одиночек приводили во время облав, выдавали им бланк учета. Проститутки, чаще бланковые, нередко становились добычей преступников и маньяков.

Существовал высший класс бланковых проституток – камелии. Эти красивые, ухоженные женщины имели 1–2 очень богатых любовников, обычно аристократов. Из-за могущества покровителей таких женщин полиция не трогала, и они оставались тайными.

Камелии обслуживали высший свет, вели роскошную жизнь, имели свои собственные дома и экипажи. Встретаться с камелией не считалось зазорным и даже придавало веса в обществе. Бывало, к дорогим содержанкам даже переходило немалое состояние их обожателей. Клиентов элитные проститутки искали в театрах и прогуливаясь по центральным улицам.

Кадры дешевых публичных домов формировались в основном путем перевода девиц из борделей более высокого ранга. Проститутки опускались все ниже и ниже в результате болезней, алкоголизма, возраста. Оказывались в 30-копеечном («тридцатке»), выброшенные оттуда на улицу обслуживали ночлежные дома.

Одевались девицы в таких заведениях бедно и примитивно. Иногда их одежда состояла всего лишь из грязного полотенца, обмотанного вокруг бедер. Часто в угоду клиентам-морьякам покрывали себя вульгарной татуировкой.

При некоторых дешевых ночлежках имелись конуры, где выпивший лишнюю рюмку простолудин за несколько копеек мог найти удовлетворение своим половым инстинктам. Самые опустившиеся проститутки запрашивали 3 копейки или даже соглашались на тарелку щей или рюмку водки, лишь бы дотянуть до следующего клиента.

Были проститутки трущобные, гнилушницы или кабачницы. Самыми известными питерскими трущобами была «Вяземская лавра» («дом князя Вяземского») близ Сенного рынка. 13 домов были объединены общей системой коридоров и проходов, каждый угол сдавался в аренду. День и ночь проститутки «трудились» там до 1920-х гг.

На Невском фланировали проститутки, одетые «гимназистками», но их выдавали грубые жесты и макияж; прогуливались малолетние проститутки 10–12 лет. Вечерами под фонари выходили и мужчины-проституты, лишь молча улыбаясь прохожим. Ответная улыбка клиента была знаком согласия. Сигналом был и характерный долгий взгляд, просьба поделиться сигаретой или дать прикурить. Мужчины-проституты носили красные галстуки, иногда вечерами надевали странные костюмы баронесс, графинь, крестьянок.

Главным разносчиком венерических болезней была тайная проституция. Недорого предоставляли свои услуги фабричные работницы, солдатки, прислуга, торговки, бродяжки. Стремление подавить тайную проституцию регламентацией не оправдалось: число зарегистрированных проституток оказалось значительно меньше тайных.

Проституция цвела в России пышным цветом. С середины XIX в. волна заболеваний сифилисом захлестнула Россию. МВД издало циркуляры (1857, 1859, 1860) о составлении списков проституток, их осмотрах и бесплатном лечении, о надзоре за здоровьем воинских чинов и заболевших сифилисом.

Был утвержден Устав врачебно-полицейской комиссии (1858), начавшей свою деятельность сначала в Кронштадте, затем в Астрахани, Николаеве и других портовых городах. Заседание комиссии в Кронштадте проходило 1 раз в месяц с приглашением медицинского инспектора и полицмейстера.

Комиссия предложила следующие мероприятия по борьбе с венерическими болезнями: 1) строгий осмотр команд судов; 2) осмотр всех рабочих, прибывавших в Кронштадт в летнее время; 3) осмотр 2 раза в неделю публичных женщин городскими врачами.

Комиссия обратилась к военному губернатору Кронштадта с просьбой приказать полиции сразу же отсылать городским врачам списки выписанных из больницы лечившихся от венерических заболеваний женщин для «неотлагательного и регулярного освидетельствования». «Бродячих» женщин после выписки предлагалось высылать из города, а если вновь появятся, то привлекать к уголовной ответственности [15].

Зарегистрированные дома свиданий (1861), часто именуемые в полицейских сводках притонами, функционировали в С.-Петербурге. Их число достигло почти 30 (1871). Работало там 1067 (1864), 1840 (1871), 2064 (1879) бланковых проституток [15]. Вне дома терпимости легче можно было уклониться от обязательного осмотра и оказаться не у дел из-за необходимости лечиться. С появлением домов свиданий услуги бланковых проституток стали постепенно дорожать.

Правила «Табель о проституции» (1844) оставались неизменными вплоть до 1861 г., когда в них были внесены дополнения об особых домах свиданий. «Правила для содержательниц борделей и их обитательниц» (1861) были дополнены пунктами о нормах поведения публичных женщин. Им, в частности, строго воспрещалось более 2 «вместе появляться на улицах», регламентировался «нев्यразительный» стиль одежды, а также предписывалось «употреблять в возможно меньшем количестве белила и румяна, равно пахучие помаду, масла, мази». Четко оговаривались и те места, где публичным женщинам было запрещено фланировать [10].

Согласно положению Московского врачебно-полицейского комитета, «публичные женщины» подлежали обязательной бесплатной госпитализации в Мясницкое отделение для больных сифилисом (1861) чернорабочей больницы, позже Мясницкой чернорабочей больницы (1876).

Из-за буйного, скандального поведения проституток низшего разряда и неприятия мер администрацией венерологи Н.П. Мансуров и Д.И. Найдёнов не смогли преподавать на базе Мясницкой больницы.

В С.-Петербурге насчитывалось 152 (1852) публичных дома с 884 проститутками, 206 (1879) публичных домов с 1528 проститутками. Бордели располагались почти по всему городу. Элитные заведения работали даже на Миллионной и Итальянской улицах, в 2 шагах от дворцов императора и великих князей [8, 10].

Был издан труд М.П. Кузнецова «Проституция и сифилис в России. Историко-статистические исследования» (1871) [6]. На I съезде русских врачей в память Н.И. Пирогова (I Пироговский съезд) (СПб., 1885) в секции сифилидологии обсуждался вопрос о сифилисе как о социальном бедствии. Доклад о ярмарочной проституции и ее регламентации прочитала Зинаида Яковлевна Ельцина (1854–1943), первая в России женщина-сифилидолог, ученица проф. В.М. Тарновского [4].

Выпускник (1874) ИМХА, талантливый, широко образованный врач и исследователь, д. м. (1885), приват-доцент (1887) кафедры медицинской географии и статистики Г.М. Герценштейн (1851–1899) во II части докторской диссертации и монографии «Сифилис в России» (СПб., 1885) представил особенности сифилиса у проституток.

На II Пироговском съезде (М., 1887, 1300 участников) для решения вопросов по проблеме проституции была создана комиссия под председательством проф. Ф.Ф. Эрисмана при участии Н.П. Мансурова, А.И. Поспелова, П.А. Ширяева и др. Рекомендовано проводить санитарный надзор за проституцией.

Материалы сборника «Проституция в Российской империи по обследованию 1-го августа 1889 года» были результатом уникального обследования проституции в России, проведенного МВД.

Согласно переписи, свои услуги предлагали 1216 домов терпимости с 7840 проститутками. Бланковых было больше – 9763, а всего – 17 603. По сословной принадлежности большинство из них относились к крестьянкам (47,5%) и мещанкам (36,3%) [11, с. 23].

В монографии «Проституция и аболиционизм» (СПб., 1888) ярый регламентист проф. В.М. Тарновский утверждал: «Защищая регламентацию, я защищаю именно принцип вмешательства общества в дело ограничения вреда, приносимого проституцией» [14].

Вышли работы проф. А.И. Поспелова: «Новая система надзора за проституцией в Москве» (1888), «Проект организации надзора за проститутками Москвы» (1889). По данным ординатора Калининской больницы П.Е. Обозненко (1896), заболеваемость сифилисом среди проституток составляла 50%, а заражались они в первый год занятия проституцией [8]. Доклад обществу киевских врачей «Статистика сифилиса среди поднадзорной проституции Киева секретаря комиссии П.В. Никольского» прочитал М.И. Стуковенков (1888) [12].

Мощным эпицентром распространения венерических заболеваний среди населения были ежегодно устраиваемые крупные ярмарки, куда съезжались проститутки со всех концов России. З.Я. Ельцина была командирована (1885) Медицинским департаментом на Нижегородскую (Макарьевскую) ярмарку для усиления надзора за проституцией.

На заседании (24.04.1893) РСДО ординатор Калининской больницы З.Я. Ельцина отметила, что, по данным врачебных осмотров проституток на Самокатском пункте Нижегородской ярмарки за 4 года (1888–1892), процент больных сифилисом оставался большим [4] (рис. 2).

На I Международном дерматологическом конгрессе (Париж, 1889) проф. А.И. Поспелов доложил «О надзоре за проституцией в Москве». Проф. Никольский резко выступал (1888, 1889) против системы врачебно-полицейского надзора за проституцией, указывая на недостоверные сведения («здоровы» при скрытом сифилисе).

В Москве, кроме Мясницкой больницы, работали: лечебница по сифилису и кожным болезням на Неглинном бульваре в доме Ечкиной, лечебница И.Г. Касселя на Тверской, в доме 68, лечебница для женщин Н. Г. Малышева на Покровской улице в доме Сапиковой. Приемы вели известный специалист по сифилису господин Гиршман и другие врачи.

В постановлениях специальной комиссии были и надуманные, не могущие быть осуществленными предложения. Так, предлагалось «для проституток, принадлежавших к высшему разряду, с учетом природной женской стыдливости, производить осмотры без особой публичности в отдельных пунктах, с неафишированным подъездом. А врачи, желательно, должны были быть женщинами» [10, 15].

Рис. 2. Ельцина З.Я. (1854–1943)
Fig. 2. Yeltsina Z. (1854–1943)

В то время бесплатно за счет городской казны лечились лишь проститутки-одиночки. Впервые расходы на амбулатории для осмотра и лечения проституток можно встретить в отчете (1889) Городской управы. Именно в это время Дума решила принять в свое заведывание санитарный надзор за проститутками и публичными домами. С этой целью устроили Центральное санитарное бюро (1889) при Мясницкой больнице, открыли амбулатории для осмотра проституток и пригласили 9 врачей.

Сын знаменитого боевого генерала и военного историка, выпускник ИМХА, д. м. (1866) Д.Д. Ахшарумов (1823–1910) усовершенствовался за рубежом. В книге «Проституция и ее регламентация» (1888) горячо высказывался за ликвидацию публичных домов [1].

В борделях низшего разряда были введены особые билеты с обозначением на них заведения и номера женщины, под которым она записана в списках комитета. Эти билеты выдавались каждому посетителю заведения, если тот оставался наедине с женщиной. Особенно строго комитеты следили за соблюдением этого правила по отношению к военным.

Целью введения специальных билетов и правил было скорейшее выявление источника заражения, если мужчина заболел. Казалось, что при таких условиях темпы распространения сифилиса должны были снизиться. Однако добиться необходимых результатов оказалось крайне непросто.

Состояние вопроса о проституции осветил на V Пироговском съезде (СПб., 1893–1894) М.П. Манасеин [7]. В труде «К вопросу о врачебно-полицейском надзоре за проституцией в Томске» (Врач, 1896) проф. Е.С. Образцов свидетельствовал, что такой надзор не может дать гарантий. Однако проф. Е.С. Образцов полагал, что успех может быть достигнут при условии врачебного осмотра ...посетителей домов терпимости!

На Съезде Высочайше разрешенном по обсуждению мер против сифилиса в России (1897) проф. В.М. Тарновский дал много спорных установок, которые привели к неоднозначным решениям, принятым Съездом (рис. 3).

Рис. 3. Тарновский В.М. (1837–1906)
Fig. 3. Tarnovsky V. (1837–1906)

Под давлением авторитета проф. В.М. Тарновского большинством голосов Съезд (1897) принял решение о сохранении публичных домов, что вызвало взрыв негодования передовой части делегатов. Группа земцев из 150 человек, составлявшая 1/3 членов Съезда (1897), подала заявление-протест против сохранения публичных домов [13].

В труде «Проституция и аболиционизм» (1888) проф. В.М. Тарновский утверждал о врожденной склонности к проституции. Однако в докторской диссертации «Поднадзорная проституция С.-Петербурга» (СПб., 1896) П.Е. Обозненко сообщил, что в С.-Петербург приезжают немки из Риги и Германии для занятия проституцией, «скопив за 2–3 года известную сумму денег, уезжают на родину, где выходят замуж и становятся примерными женами и матерями». «Как объяснить это явление с точки зрения теории врожденной порочности проституток?» – вопрошал П.Е. Обозненко [8].

Профессор В.М. Тарновский предлагал установить для проституток-одиночек наименьший возраст в 16 лет, а для проституток в домах терпимости – 18 лет, и это вошло в решения Съезда (1897). Было предложено создавать казенные или городские солдатские дома терпимости и подбирать женщин из «проституток молодых, из деревень прибывающих солдатских жен, вдов и т. п., еще не зараженных сифилисом» [14, с. 84]. А также В.М. Тарновский настаивал (1881) на обязательном осмотре посетителей публичных домов, считая возможным пускать туда людей «под маской» [14, с. 84].

Проводившая (1899) медико-психологическое обследование женщин в Калининской больнице главная феминистка России врач М.И. Покровская (1852 – ок. 1922) отметила (1900) широкое распространение алкоголизма среди проституток. Привела пример (1899), когда проститутка, начав «работу» в двухрублевом заведении, после болезни оказалась в 30-копеечном – в «тридцатке» [9] (рис. 4).

Рис. 4. Покровская М.И. (1852 – ок. 1922)
Fig. 4. Pokrovsky M. (1852 – about 1922)

Издала труды: «Врачебно-полицейский надзор за проституцией способствует вырождению народа» (1902), «Борьба с проституцией» (1901, 1902). Рассматривала потребителей проституции – мужчин как падших существ. По данным М.И. Покровской (1900), от проституток заразилось сифилисом 34,9% из числа больных сифилисом студентов ИМУ, гонореей – 40% [9].

Обязательные медицинские осмотры проституток сами нередко служили источником заражения, так как во многих городах провинции осмотр, даже без инструментов, часто производился в грязных помещениях: в арестантских и ночлежных домах, на нарах, в покойницких при полицейском участке, в Астрахани – в холодном помещении «врачам приходилось производить осмотр проституток, не снимая верхнего платья». Инструментов не хватало, и они не стерилизовались, в лучшем случае промывались под струей холодной воды. Это было зафиксировано во врачебных отчетах 1890-х гг. [15].

Даже в С.-Петербурге имели место серьезные проблемы: зачастую врач за четырехчасовой прием должен был осмотреть от 200 до 400 женщин. В центральном отделении Комитета врачебно-полицейского надзора на «смотровое кресло проститутки садятся прямо в верхней одежде и калошах. Очень многие на осмотры являются пьяными, и некоторые тут же, в смотровой комнате, мочатся прямо на пол», – писал инспектор петербургского врачебно-полицейского комитета А.И. Фёдоров (1892) [15, с. 67].

Число бланковых проституток в С.-Петербурге неуклонно росло: 3463 (1883) [15]. Бланковой проституцией на рубеже XIX–XX вв. стали заниматься женщины не только из низших слоев петербургского населения. Среди обследованных в 1889 г. публичных женщин-одиночек более 4% составляли дворянки [11, с. 2–3].

В столичном врачебно-полицейском комитете по собственному желанию зарегистрировались (1895) как бланковые проститутки две бестужевки, подрабатывавшие

таким способом во время учебы [15]. И.Б. Бентовин описал (1910) 32-летнюю интеллигентную женщину, мать 2 дочерей, бланковую проститутку, зарабатывавшую 300–400 рублей в месяц [3].

В Санкт-Петербурге в 1900 г. 1 поднадзорная проститутка приходилась на 326 жителей, в Берлине – на 400, в Вене – на 613, в Париже – на 909 жителей. (В.В. Авчинникова. Публичная лекция, прочитанная кандидатом на степень доктора исторических и филологических наук Парижского университета в Соляном городке 27 февраля 1904 г. «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень»).

Небольшая прослойка бланковых проституток принимала гостей в хороших апартаментах и часто искала клиентов, давая весьма иносказательные объявления в газеты. Женщины оказывали свои услуги и в дорогих домах свиданий, где хозяйка сама подыскивала клиентов. Для выбора предоставлялись книги предложений с фотографиями женщин и описаниями их достоинств. Клиент выбирал даму и в назначенное время встречался с ней в этом же доме.

Этих женщин, скрывающихся под вуалью, осматривали в отдельных кабинетах. В официальных документах врачебно-полицейского комитета их называли «кабинетными», а негласно – «аристократками». Иногда им даже сохраняли паспорта, бланк же хранился в комитете и мог быть пущен в дело в случае «недостойного» поведения [15, с. 39, 42].

Доклад (10.12.1899) о борьбе с проституцией М.И. Покровская прочитала на заседании Российского общества охранения народного здоровья. Предлагала в борьбе с проституцией следующие меры: отмену регламентации, уничтожение публичных домов, повышение уровня образования, обеспечение доступа к рабочим местам с хорошим заработком, устройство приютов, общежитий, преследование сутенеров [9].

Вышел труд ординатора Московской Мясницкой больницы, штатного врача Убежища д. м. И.И. Приклонского «Возвращение падших девушек к честной трудовой жизни и деятельность Убежища св. Марии Магдалины в Москве» (1900).

Известен случай, когда 20 девушек евреек-девственниц, чтобы выехать за черту оседлости, оформили себе билеты проституток и преспокойно учились с ними в Психоневрологическом институте В.М. Бехтерева.

Великий русский художник М.А. Врубель (1856–1910) заразился (1892) сифилисом от проститутки, перенес прогрессивный паралич, потерю зрения.

Самая звездная кокетка Шарлотта Альтенроз из Австро-Венгрии (она же Ванда, Элеонора) выдавала себя за немку, но считали ее еврейкой, занимала роскошный номер в гостинице «Англия» в центре Москвы.

Там после застолья погиб выдающийся, легендарный полководец, «Суворову равный», с именем которого связаны многие блестящие победы русского оружия, боевой генерал Михаил Дмитриевич Скобелев (1843–25.06.1882) в возрасте 38 лет.

На поле боя генерал всегда появлялся на белом коне, за что его называли «белый генерал». И ни в одной войне его не зацепило пулей, отличался особой выносливостью. Высокообразованный военачальник, знал 8 иностранных языков, в личной жизни не был счастлив: брак с фрейлиной императрицы княжной М.Н. Гагариной был расторгнут.

В последние дни жизни был опечален и раздосадован (украдена огромная сумма денег – 1 миллион рублей, беспокоился о возможном похищении военных документов и т. п.).

После вскрытия был установлен диагноз: паралич сердца, однако большинство историков видят связь этой смерти с преступлением. У генерала М.Д. Скобелева было немало недоброжелателей. Лицо погибшего стало желтым, на щеках выступили синие пятна, что характерно при отравлении ядами.

Классик русской литературы поэт Н.А. Некрасов выиграл в карты Фёклу Викторову, очаровательную блондинку с ямочками на щеках, на 25 лет моложе себя, содержанку купца Лыткина, которую тот забрал из публичного дома «Под ключом». Фёкла (называл ее Зинаидой) стала первой и единственной женой поэта. После смерти Н.А. Некрасова раздала имущество его родственникам и до смерти поминала мужа, помогая бедным, всегда ходила в черном.

Среди романтически настроенного либерального студенчества в конце XIX в. было даже модным жениться на падшей женщине, развивать ее личность, перевоспитать и вернуть к нормальной жизни.

Дворянин, легендарный лейтенант Петр Шмидт, возглавивший революционный мятеж (1905) на крейсере «Очаков», женился (1888) на проститутке Доминике Павлове, решив спасти ее, увидев в публичном доме С.-Петербурга. Отдал ей взятые из банка все свои деньги – 12 000 рублей (огромная сумма!), но деньги неизвестно куда делись, а на путь исправления Доминика не встала.

В семье разразился грандиозный скандал. Отец, контр-адмирал, проклял сына и умер (1888) в том же году. Друзья П. Шмидта отказались общаться с проституткой, и П. Шмидт порвал с ними. После рождения сына пара развелась, сын остался с отцом.

Образы проституток представлены в русской классической литературе: Сонечка Мармеладова («Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского), Катюша Маслова («Воскресение» Л.Н. Толстого), Женя, Манька Маленькая, Паша, Тамара («Яма» А.И. Куприна) и др. Состоятельную клиентку проституток, облачавшуюся в мужские костюмы, описал психиатр и научный писатель В.Ф. Чиж.

В романе «Петербургские трущобы. О сытых и голодных» (СПб., 1867, Т.2) поэт и прозаик В.В. Крестовский (1840–1895) живо описал трагическое существование опустившихся проституток (Ч. VI «Падшие»).

Писатель Н.И. Свешников (1839–1899) дал потрясающее своей достоверностью, искренностью и безысходностью описание изломанных судеб опустившихся проституток в очерке «Петербургские Вяземские трущобы и их обитатели» (СПб., 1900).

В России было зарегистрировано (1901) 2400 публичных домов, в которых работало свыше 15 000 женщин. Вышел в свет очерк И.И. Приклонского «Проституция и ее организация» (1903) [10]. Громкое дело об убийстве (СПб., 1907) проститутки-красавицы Зинаиды Андреевой (Сары Левиной) ее мужем широко обсуждалось общественной ответственностью [3].

На I Всероссийском съезде по борьбе с торгом женщинами (СПб., 21–25.04.1910) было представлено масштабное исследование женской проституции, особенно тайной, обсуждались причины «нравственной гибели» женщин и способы помощи им. М.И. Покровская призвала общественность выступить за введение обязательного осмотра посетителей публичных домов, именовать их «проститутками» и применять к ним санкции вплоть до уголовных.

Главной причиной проституции среди женщин-работниц была признана экономическая необеспеченность. Если 52,7% (1910) проституток в России болели сифилисом, то позже уже 76,1% (1914) [2, 3].

В России разными способами пытались бороться с проституцией. Однако жизнь показала, что представления правительства о способности легализации проституции и надзора врачебно-полицейских комитетов снизить заболеваемость сифилисом оказались иллюзорными. Официально проституция была запрещена в России только после Октябрьской революции (1917 г.).

■ ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Ahsharumov D.D. *Prostitution and its regulation*. Riga: Tip. L. Blankenshtejna; 1889. 97 p.
2. Belova-Rahimova L.V. History of the development of national venereology at the beginning of the 20th century (1900-1917). *Journal of postgraduate medical education*, 2005;2:3–9.
3. Belova-Rahimova L.V., Prohorenkov V.I. *History of venereology, dermatology, leprology in Russia and the USSR (1900-1959)*. Krasnoyarsk; 2013. 491 p.
4. El'cina Z.Y. Examinations of prostitutes at the Samokat point of the Nizhny Novgorod Fair over the last 5 years. *Doctor*. 1893;(17).
5. El'cinskij V.I. Government attitude to prostitution as a source of syphilis. *Critical review*. M.: Univ. tip.; 1864. 104 p.; *Mosk. med. gaz.* 1864;(37–43).
6. Kuznecov M.P. *Prostitution and syphilis in Russia. Historical and statistic research*. SPb.: tip. V.S. Balasheva; 1871. 76 p., 1 l. tabl.
7. Manasein M.P. The current state of the issue of prostitution. *Proceedings of the 5th Congress of Russian Medical Society in Memory of N.I. Pirogov*. St. Petersburg. SPb.: tip. MPS. 1894;2:357–362.
8. Oboznenko P.E. Supervised Prostitution in St.-Petersburg According to data from Doctors-Police Committee and Kalinkine Hospital. PhD Thesis. SPb.: parovaya skoropechatnya «Nadezhda»; 1896. 110 p.
9. Pokrovskaya M.I. *Struggle against prostitution*. SPb.: Elektropechatnya; 1900.
10. Prikloenskij I.I. *Prostitution and its organization. Historical sketch*. M.: tip. A.A. Karceva; 1903. 108 p.
11. *Statistics of the Russian Empire. Prostitution in the Russian Empire according to inspection of August 1, 1889*. Edited by A. Dubrovinsky, editor-in-chief of Central Statistical Committee. Dubrovinsky A., ed. SPb.; 1890;XIII.
12. Stukovenkov M.I. *Report to the society of doctors in Kyiv on measures to limit the spread of syphilis. Statistics of syphilis among supervised prostitution in Kyiv, secretary of the committee P.V. Nikolsky*. Kiev: tip. G.T. Korchak-Novickogo; 1888.
13. *Conference of the High Commissioner to discuss measures against syphilis in Russia, held at the Medical department from 15th to 22nd January 1897 under the chairmanship of L.F. Ragozin, director of the Medical department*. Tr. SPb.; 1897;I, II.
14. Tarnovskij V.M. *Prostitution and abolitionism*. M.; 1888. 420 p.
15. Fyodorov A.I. *Sketch of medical and police supervision over prostitution in St. Petersburg*. SPb.: tip. SPb. Gradonachal'stva; 1897. 64 p.
16. Zaslavskij D.V. 260 years of the Alma Mater of national syphilidology. *Newsletter of dermatology and venereology*. 2010;5:169–176.
17. Kubanova A.A., Samcov A.V., Zaslavskij D.V. At the origins of world dermatology. *Vestnik dermatologii i venerologii*. 2011;3:162–173.